

Н. Н. ИСМАГИЛОВ

ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Представлено теоретическое исследование феномена региональной идентичности применительно к российским реалиям в условиях глобализации и регионализации. Цель исследования — показать значимость проблемы региональной идентичности как для комплексного анализа территориальной организации (самоорганизации) общества, так и для понимания специфики социокультурного пространства российских регионов.

Ключевые слова: *идентичность, регион, глобализация, регионализация, пространство.*

A theoretical study is made of the phenomenon of regional identity in connection with the Russian realia in conditions of globalization and regionalization. The goal of this investigation is to demonstrate the importance of the problem of regional identity for complex analysis of territorial organization (self-organization) of society as well as for an understanding of the specific character of socio-cultural space of Russia's regions.

Keywords: *identity, region, globalization, regionalization, space.*

ВВЕДЕНИЕ

Постиндустриальная стадия развития общества предполагает интенсивное функционирование информационно-коммуникационной системы и социокультурного сервиса, гуманизацию географического пространства и, как следствие, повышенное внимание к проблемам территориальной идентификации человека и пространственной самоорганизации общества [1]. Наблюдаются решительный выход экономической географии за тематические рамки хозяйства и становление географии общественной с переключением акцента на общество как таковое. Настает эпоха гуманистической географии, которая больше концентрирует свое внимание на изучении, понимании человеком собственных действий, опыта и ценностей [2]. Сегодня встает задача освоения географией багажа, накопленного другими социальными науками при исследовании общества. И одним из наиболее важных направлений такого освоения представляется проблема региональной идентичности.

Понятие «идентичность» имеет несколько значений, важнейшие из которых — взаимосвязанные категории «специфика» и «самосознание». Соответственно, региональная идентичность — это местные специфика и самосознание.

Данный термин прочно вошел в науку в начале XX в. после выхода в свет трудов Э. Эриксона [3], который взял за основу термин «идентификация», впервые примененный З. Фрейдом. Подходы, связанные с проблемами идентичности, дают возможность объективно определить ее как базовую проблему, скрывающую в себе сложные механизмы взаимодействия личности с самой собой (самоидентификации), а также и с общественным сознанием.

Сегодня терминами «идентификация» и «идентичность» обозначают как феномены групповой и этнической референции, совпадения ценностей, так и внерациональные механизмы самоопределения и постижения иных механизмов идентификации. Однако исследование идентичности чрезвычайно осложнено тем, что данный феномен ускользает от традиционных способов научного анализа, понятие «идентичность» трудно концептуализировать. Идентичность, как отмечает С. Хантингтон [4], столь же обязательна, сколько и неотчетлива, так как представляет собой неявное множество, не поддающееся строгому определению и не подвластное стандартным методам измерения.

В данном контексте проблему идентичности уместнее рассматривать с точки зрения З. Баумана [5]. Он считает, что вместо разговора о разных формах идентичности, унаследованных или обретенных, более уместным и соответствующим реальностям глобализирующегося мира выглядело бы никогда не заканчивающееся исследование идентификации — всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельности, в которую все мы по необходимости либо сознательно вовлечены.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ РЕГИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Проблемы идентификации становятся особенно актуальными в переломные, кризисные периоды в истории стран. Самоидентификация проявляется в деятельности социальных групп и институтов, она определяется не только статусом и ролью личности, но и ее индивидуальными особенностями

[6]. Важно обратить внимание и на то, что идентификация — динамическая категория, предусматривающая процесс, а идентичность — категория, описывающая статику и представляющая собой результат процесса.

Одним из важных последствий глобализации стало то, что она, протянув разнообразные линии связи между цивилизациями, обострила проблему идентичности личности, народов и стран. Так, по мнению М. Кастельса [7], в современном глобальном мире большинство людей, работая или развлекаясь, ведет очень локальную жизнь. Кроме того, люди склонны группироваться вокруг первичных источников идентичности — религиозных, этнических, территориальных, национальных, особенно во времена неконтролируемых и беспорядочных изменений.

Таким образом, идентичность является своего рода «общим знаменателем», позволяющим в каком-то смысле соизмерить глобализацию и традицию, а также модернизацию и традицию. Это связано с тем очевидным обстоятельством, что все указанные процессы зависят от человека, его положения и осознания им своего места в мире. Так, И. С. Семененко пишет: «Поддержание культурного многообразия как основы самоидентификации не в меньшей мере вписывается в диалектику социокультурных изменений, чем культурная ассимиляция привнесенных извне ценностей и стилей жизни» [8, с. 6].

Процесс идентификации интересен тем, что его исследование служит прологом в изучении поведения людей, при этом региональная самоидентификация находится ныне почти вне поля зрения социологов [9]. Область социологии пространства была практически исчерпана в результате упущения территориальных факторов. Предпочтение отдавалось скорее временной структуре повседневной жизни людей, нежели пространственной. В результате сами социологи указывают на то, что социология пространства на самом деле развивается, но не столько ими, сколько географами. Здесь, в общем, все логично: если географию понимать как науку о пространстве, а социальную географию — как науку о человеческом поведении в пространстве, о размещении в нем социальных институтов, о его планировании, о перемещениях людей, в конце концов — их представлениях о пространстве, то область социологии пространства будет, кажется, почти исчерпана [10].

Для многих социологов региональная идентичность, по-видимому, сильно заслонена идентичностью этнической, которая кажется им гораздо более мощной; региональная идентичность выглядит нередко как некое производное от этнической, возникающее только там, где этнические идентичности пересекаются на территории и порождают конфликт территориального характера. Это, разумеется, неверно. У этих форм идентичности — региональной и этнической — совершенно разные основания, разные механизмы развития, их совпадение друг с другом — частный случай [11].

Стоит подчеркнуть, что особая роль этнической идентичности — явление довольно новое, еще 100–150 лет назад территориальная идентичность выглядела несопоставимо более яркой, чем этническая, языковая или культурная. «Во времена Французской революции, — пишет Э. Хобсбаум, — только половина обитателей Франции могла говорить на французском языке, и только 12–13 % делали это «правильно»; самым разительным примером может служить Италия, где на момент обретения ею государственности только два или три итальянца из сотни действительно использовали итальянский язык дома» [12, с. 99]. Из этих примеров ясно, что французов и итальянцев сплотила в единое государство территориальная общность, а не языковая или этническая. В этом смысле почти все современные государства — образования территориальные, а не этнические или культурные.

В отличие от этнической региональная идентичность проявляется прежде всего на уровне «целого» как совокупности разнородных индивидов, но не отдельных индивидов как таковых, чья региональная самоидентификация может относиться к скрытой информации, которую приходится извлекать из сознания путем опросов, исследований средств массовой информации, анализа исторических источников и т. п.

Географы подошли к изучению проблем идентичности, отталкиваясь от изучения географической среды. Они, конечно, не видели в характеристиках территории единственную причину конкретного формирования какой-либо культуры, скорее те или иные особенности географической среды рассматривались как фактор территориальной дифференциации культуры. Так, наличие исторических памятников и культурных ансамблей плавно преобразует восприятие историко-географической среды как историко-географического образа. При этом поле историко-географических образов состоит из знаковых объектов природного и историко-культурного типа, а сами образы влияют на поведение людей, уклад их жизни. Этот процесс хорошо прослеживается в Европе. Регионализм новой Европы предполагает возможность (но не обязательность) наличия у каждой общности или ее субъекта нескольких вариантов региональной самоидентификации, основанной на специфической историко-географической среде.

Термин «идентичность» в настоящее время считается наиболее общим и универсальным в круге понятий, который описывает совокупность качественных и количественных характеристик, сопряженных со специфичностью какого-либо данного культурного или географического индивида (лич-

ности, группы, территориальной общности, территории) [13]. По сути, само понятие «географический индивид» предполагает наличие (и изучение) его самосознания, а также соответствующей «местной специфики». Эта специфика и географическая индивидуальность должны быть отражены в представлениях самих людей, проживающих на данной территории.

ПРОЦЕССЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Одним из ключевых понятий в данном исследовании выступает «регион», который в научной литературе трактуется по-разному. Его универсального определения не существует, а территориально-географическое, экономическое, социально-политическое, этнонациональное членение пространства на регионы во многом зависит от области исследований и сформулированной задачи.

Процессы регионализации, происходящие в разных странах мира, являются объектом изучения в географической, социологической, исторической, философской литературе, его содержание зависит от того, какой конкретный срез жизни в регионе актуализируется той или иной наукой. Так, для одних регион — это близлежащие страны, связанные определенными историческими, социокультурными и цивилизационными узами, для других — хозяйственно-экономическая общность; для третьих — территориально-административная единица в составе государства.

В России, как и в мире в целом, регион становится важным фактором политического процесса, где национальные, наднациональные и глобальные силы встречаются с местными требованиями. Регионы как субъекты политических отношений играют все более существенную роль в межгосударственных, в том числе и в геополитических процессах. Российские регионы вступили в процессы глобализации, причем эти процессы имеют крайне неравномерный и конкурентный характер, что означает появление новых возможностей и проблем для России, переживающей период региональной самоидентификации. Таким образом, региональная идентификация — это элемент общественного и личного сознания, в котором отражается осознание территориальной общностью своих интересов в отношениях как с другими общностями своей нации, так и с территориальными общностями соседнего государства.

В последние годы регионализацию наряду с глобализацией все чаще относят к числу основных тенденций, определяющих развитие современного мира. В связи с этим следует согласиться, что ни глобализация, ни регионализация не смогут развернуться до логического конца. С одной стороны, шесть миллиардов человек, населяющих планету, никогда не станут единым синкретическим организмом, поскольку всегда будут существовать по-разному обустроенные территории с суверенными народами. Абсолютная унификация человечества в принципе недостижима. С другой стороны, даже теоретически невозможно сконструировать систему, в рамках которой территориальная, этническая или иная общность людей могла бы быть самодостаточной [14].

Проблемы регионализма находятся сегодня в центре внимания во многих странах. Еще в 1998 г. Европарламент, учитывая остроту этих проблем, принял «Хартию регионализма», согласно которой регион понимается как гомогенное пространство, имеющее физико-географическую, этническую, культурную, языковую общность, а также общность хозяйственных структур и единую историческую судьбу. Таким образом, провозглашение некоторой совокупности территорий регионом возможно лишь при наличии всех или части указанных выше признаков.

Кроме того, в структуре региональной социальной идентификации присутствуют два основных компонента — знания, представления об особенностях собственной «территориальной» группы и осознание себя ее членом, а также оценка качеств своей территории, значимости ее в мировой и локальной системе координат. Для совокупности населения, объединенной, как минимум, общим местом проживания, это означает возникновение некой региональной общности.

Отсюда следует, что для региональной идентификации принципиально важное понятие — это представление о территориальных связях, возникающих на основе совместного или соседского проживания членов социальных групп разного масштаба и различной культурной идентификации. Поскольку качества региона могут быть различными, а его свойства и функции не всегда сопоставимы со свойствами других регионов, он выступает преимущественно как собирательный образ, который воплощает экономические и политические явления в их специфическом содержании применительно к провинциальным условиям функционирования общественных отношений.

В настоящее время со всей очевидностью можно утверждать, что геополитические факторы оказывают все большее воздействие на процессы, происходящие внутри той или иной страны, в том числе и Российской Федерации. Соответственно, данные факторы воздействуют и на изменение региональных отношений, а с развитием процессов глобализации это воздействие становится все более значимым.

Распад СССР коренным образом изменил политико-правовой статус областей, краев и национальных автономных образований. В постсоветский период наблюдается противоречивый процесс создания нового регионального устройства страны. Он включает в себя, с одной стороны, тенденции децентрализации — перераспределение полномочий от федеральной власти к региональной и, с другой стороны, противоположные процессы упрощения территориальной структуры страны и укрепления административно-управленческой вертикали. Нельзя утверждать, что в настоящее время поиск оптимальной модели регионального устройства страны близок к своему завершению. И этот поиск обусловлен не только спецификой государства и составляющих его регионов, но и геополитическими факторами. Конфликты, возникающие между Российской Федерацией и бывшими республиками Советского Союза, представляют собой подтверждение данной тенденции.

Как известно, процесс регионального развития характеризуется сменой тенденций централизации, т. е. укрупнения и слияния регионов и децентрализации — распада их на части, отделения территории. Обе эти тенденции закономерны и имеют под собой объективные основания.

Следует отметить, что процессы децентрализации и регионализации развиваются одновременно и параллельно с происходящими на межгосударственном уровне процессами интеграции, выражающимися в создании надгосударственных политических, финансовых и прочих организаций, союзов, блоков, а также в формировании глобальной экономической системы.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И НИЗОВОЙ РЕГИОНАЛИЗМ

Современные противоречивые процессы регионализации в Российской Федерации находят свое отражение и в сознании общества. Фактически феномен региональной идентичности для России — достаточно новое явление. В течение всего советского периода существовала неоднозначная позиция по отношению к культурным особенностям территориальных образований. Если для союзных республик, а также для национальных республик в составе РСФСР местная специфика активно поддерживалась (за исключением периодов борьбы с «национализмом»), то на русских территориях в составе РСФСР региональная идентичность элиминировалась: была либо под запретом, либо под подозрением. Борьба с региональными особенностями в России велась «на два фронта»: с «исторической памятью» и краеведческим движением.

Однако распад СССР, становление и развитие федеративного устройства и целый ряд явлений, связанных с трансформационными процессами, в значительной степени способствовали обособлению российских регионов друг от друга в социально-экономическом, политическом и ментальном отношении. Очевидно, что формирование регионального самосознания стало характерной чертой постсоветской трансформации общества. В нем определились две противоположные тенденции. С одной стороны, постепенно складывается российская общегражданская идентичность со своим набором консенсусных ценностей, с другой — происходит регионализация общественного сознания, которая стала реакцией на кризис общенациональной идентичности, возникший в результате распада СССР [15].

В постсоветский период наблюдается возвращение к историческим названиям топонимов, шаг за шагом происходит возрождение как локальной самоидентификации, так и низового регионализма, когда регионы образуются не указаниями «сверху», а формируются сообществом проживающих в них людей. Хотя основная часть советской быденной жизни была организована в точном соответствии со структурами административно-территориального деления (АТД), но все же за прошедшие 10–15 лет без жесткого контроля многие его границы «размылись», появились горизонтальные связи, местные власти стали действовать самостоятельно, без оглядки на центр субъекта.

Так, на стыке Нижегородской, Владимирской, Рязанской областей и Республики Мордовия обнаружился район с самоназванием «Муромские леса», а на стыке Волгоградской, Саратовской и Тамбовской областей выявлен район Прихопёрье. В указанных районах, невзирая на сетку АТД, существовали активные внутренние двусторонние связи (поездки на работу и учебу, проведение совместных выставок и конференций, спортивные соревнования, наконец, тесные родственные связи).

Новая региональная самоидентификация России скорее не явление, а процесс, который растянется на долгое время. Однако существуют участки российской территории, где региональная идентификация вынужденно идет быстрыми темпами. Уникальный пример региональной идентификации — Калининградская область. Формирование чувства региональной общности в этом регионе началось после превращения области в эксклав. В свою очередь, сегодня состояние ее экономического климата зависит от политического состояния и качества региональной общности.

Идентификация может быть как положительной, так и отрицательной с точки зрения эффективности экономического развития региона. Осознание населением собственного экономического и политического статуса неизбежно отражается и в характере хозяйственного развития. Статус «столичности» становится фактором социально-психологического климата, влияющего, в свою очередь, на

инвестиционную привлекательность. Это обстоятельство подчеркивает и М. Портер [16]. По сути, культурная и организационная близость является экономическим ресурсом, фактором конкурентных преимуществ.

При изучении региональной идентичности России необходимо обращать внимание на специфику пространства, масштабы территорий, с которыми она сопряжена. Пространственное самосознание на макроуровне — идентификация с крупными природно-экономическими регионами, на мезоуровне — идентификация с районом, соразмерным краю, области, республике. На микроуровне — это идентификация на уровне населенного пункта, улицы, квартала.

Р. Ф. Туровский [17], описывая региональную идентичность современной России, говорил о ее первом уровне, т. е. о макрорегионах, как об общепризнанных и широко известных. В качестве макрорегионов России он выделил Центр, Север, Юг, Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток (и, возможно, Черноземье). Причем, как отмечал автор, это деление было отражено в советских экономических районах, которые имели «неплохой культурно-исторический смысл» [17, с. 155].

Разделение Российской Федерации в 2000 г. на семь федеральных округов, совпадающих с предложенными макрорайонами, лишь подтверждает справедливость данного деления. Сами округа, конечно, субъекты сугубо административные и не могут отражать реального представления о территории, особенно в их существующих границах, в результате проведения которых однозначно сибирская Тюмень оказалась в Уральском федеральном округе, тяготеющие к Уралу Башкирия, Оренбург и Пермь отнесены к Приволжью, а Волгоградская и Астраханская области оказались отлученными от Поволжья в пользу Южного федерального округа.

В этой связи становится актуальным коалиционный принцип построения государства путем деления его на конфедерации, соответствующие традициям восприятия районов в нашей стране, что позволит добиться совмещения этнополитических, социально-экономических и эколого-биосферных оснований и целей организации территории [18].

Если об укорененности макрорегионов Юг, Черноземье и Северо-Запад в народном сознании можно спорить, то наличие макрорегионов Урал, Сибирь и Дальний Восток неоспоримо. Особенно это касается Сибири — самой известной и знаменитой в мире части России, настолько популярной, что топоним «Сибирь» иногда ставится в один таксономический ряд с топонимом «Россия».

Сибирь не просто набор регионов, как, к примеру, Калужская и Рязанская, Смоленская и Тверская области. Сибирь — это наличие отдельной, особой истории и культуры, носителями которых являются не только представители коренных сибирских народов, но и русскоязычные сибиряки. Можно утверждать, что в Сибири сложилась или складывается особая нация со своими территориальными и культурными особенностями. Региональная идентичность сибиряков необыкновенно развита и не может быть проигнорирована как географами, так и политиками. И все же границы данного региона не так однозначны. Например, многие жители Иркутска очерчивают Сибирь «от Урала и до Тихого океана», тогда как хабаровчане считают себя вовсе не сибиряками, а жителями Дальнего Востока. Точно так же разделяют понятия «Сибирь» и «Алтай» жители Барнаула, что никогда не придет в голову новосибирцам, а жители Кызыла и вовсе поголовно говорят: «там, в России» [19].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основе региональной идентификации жителей лежит естественная потребность индивидов иметь свое пространство, определенный географический участок. В исследованиях, связанных с проблемой региональной идентичности, все чаще используются термин «вернакулярный район» и его производные. Как правило, при этом имеется в виду часть территории, население которой осознает ее как собственное место жительства, и в этом качестве она может быть представлена как часть общественного сознания данной социальной группы. Подобное представление объединяет местных жителей в группу общим отношением к этой территории, что, соответственно, вызывает единую реакцию на воздействие на нее. Общность места жительства порождает в людях некие единые черты, отличающие их от соседей, и представления об этом служат основой для новой общности.

Время районирования, отталкивающегося прежде всего от природных и экономических факторов, прошло. Сегодня, когда главными становятся свойства самого общества, проблемам его территориальной самоорганизации должно уделяться самое пристальное внимание.

Можно быть уверенным, что региональная идентичность наверняка будет актуализирована и станет фактором общественной жизни, как только соответствующий ей ареал подвергнется давлению, а его целостность — угрозе. Тогда, вполне очевидно, dormantное существование региональной идентичности может быстро смениться активной фазой под действием исторических или преходящих обстоятельств, которая может застать врасплох не только наших политиков, но и ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трофимов А. М., Шарыгин М. Д., Исмагилов Н. Н. Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы // Геогр. вестник. — 2008. — № 1 (7) — С. 5.
2. Penguin Dictionary of Human Geography / Ed. by Brian Goodall. — Middlesex: Penguin Books, 1987. — 223 p.
3. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Прогресс, 2006. — 31 с.
4. Хантингтон С. Кто Мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М.: АСТ, 2004. — 49 с.
5. Бауман З. Индивидуализированное общество / Под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Логос, 2002. — 192 с.
6. Жадэ З. А. Россия в поисках региональной идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Полит. науки. — 2007. — № 3. — С. 58–67.
7. Гурова Т. И. Сеть и хаос: интервью с М. Кастельсом // Эксперт. — 2003. — № 18. — С. 75–79.
8. Семенов И. С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полит. исследования. — 2003. — № 1. — С. 5–23.
9. Сверкунова Н. В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. — СПб: Изд-во НИИ химии Санкт-Петерб. ун-та, 2002. — С. 12–13.
10. Филиппов А. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // Логос. — 2000. — № 5. — http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html
11. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. — М., Смоленск, 2007. — Вып. 17. — С. 21–49.
12. Hobsbawm E. Language, culture and national identity // Soc. research. — 1966. — № 4. — P. 99.
13. Крылов М. П. Современная российская региональная идентичность. Общество и пространство. Теоретико-методологические и дискуссионные вопросы // Изв. РГО. — 2006. — Т. 138, вып. 6. — С. 19–28.
14. Володин А. В. Региональные факторы развития и безопасности России. — М.: Науч. книга, 2002. — 8 с.
15. Межевич Н. М. Основные направления региональной политики Российской Федерации. Ч. 2: Механизмы региональной политики. — <http://dvo.sut.ru/libr/history/i299mez2/2.htm>
16. Портер М. Конкуренция. — М.: Вильямс, 2001. — 245 с.
17. Туровский Р. Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России. — СПб: Геликон Плюс, 2003. — С. 139–173.
18. Ишмурагов Б. М. Сибирь в российской и мировой перспективе (очерки социально-экономической и политической географии). — Иркутск: Оттиск, 2003. — 102 с.
19. Павлюк С. Г. Вернакулярные районы в постиндустриальную эпоху // Постиндустриальная трансформация социального пространства России: Шестые Сократ. чтения. — М.: Эслан, 2006. — 103 с.

*Казанский государственный
университет*

*Поступила в редакцию
27 января 2009 г.*